

ИНТЕРВЬЮ С РОНАЛЬДОМ КОУЗОМ

**на учредительной конференции Международного общества
новой институциональной экономики в Сент Луисе,
17 сентября 1997 г.**

Примечание редактора: Рональд Коуз, основатель и президент Международного общества новой институциональной экономики, является в настоящее время заслуженным деятелем (в отставке) школы правоведения Чикагского университета. Он сотрудничал с Чикагским университетом с 1964 г. Ранее служил в школе экономики и коммерции Данди (1932–1934), в Ливерпульском университете (1934–1935), в лондонской школе экономики (1935–1951), в университете Баффало (1951–1958) и в университете Вирджинии (1958–1964). Он был редактором “Журнала права и экономики” (1964–1982). В 1991 г. награждён Нобелевской премией в области экономических наук.

Во вступлении к интервью Джон Нье (Вашингтонский университет) пишет:

“Рональд Коуз, первый президент общества, был одним из лидеров в создании ISNIE (Международное общество новой институциональной экономики). Частично интерес к созданию общества вырос из его точки зрения, что большинство профессиональных экономистов потерпели фиаско, живя согласно убеждениям, почерпнутым из работы Адама Смита: они преувеличивали роль формальных и абстрактных аспектов теории в ущерб эмпирическому и институциональному исследованию. Перед учредительной конференцией ISNIE некоторые члены общества встретились в Сент-Луисе для беседы с профессором Коузом, чтобы подробнее расспросить его о новой институциональной экономике и целях ISNIE, перейдя впоследствии к широкой дискуссии о профессии экономиста и его надеждах на будущее экономических исследований”.

Интервью брали Тони Феррарини, Северный Мичиганский университет, который также произвел видеосъемку встречи; Джон Нье, Вашингтонский университет; Альфредо Баллэрд и Хуго Эйзагирре, INDECOP, Лима, Перу. Текст интервью записан Александрой Бенхам на основе видеоверсии. Редактирование было незначительным.

Феррарини: Что такое новая институциональная экономика?

Экономисты до сегодняшнего дня никогда не считали, что институты играют роль в работе экономической системы. В действительности, институты определяют способы действия экономической системы.

Нье: А как же старые институционалисты? Чем отличается новый институционализм?

Старые институционалисты были сосредоточены больше на описании институтов, чем на их анализе, это и есть фундаментальное различие.

Нье: Не могли бы Вы рассказать нам больше о том, как новый институционализм повлияет на общепринятую нормативную экономику или изменит ее?

Ну, он не столько изменит общепринятую экономику, сколько придаст ей новую форму и займет ее место. По моему мнению, новая институциональная экономика – это экономическая теория. Это то, чем обязана быть экономическая теория. Существующая экономическая теория – это теоретическая система, которая витает в облаках и имеет мало отношения к тому, что действительно происходит в реальном мире.

Нье: Разъясните, пожалуйста. Проблемой является методология общепринятой экономической теории или ее предмет?

Я бы сказал, что у нее нет предмета. Проблема в этом.

Нье: Это потому, что Вы думаете, будто общепринятая экономическая теория является в большей степени аналитическим подходом, чем предметом?

Это касается разработки теории, которая не связана с тем, что действительно происходит в экономической системе. Харольд Демсец объяснил, как это получается. Адам Смит ввел понятие невидимой руки или ценовой системы, координирующей работу экономической системы. То, что сделали экономисты за прошедшее с тех пор время, – это формализация такой системы. Это имеет отношение к системам с крайней степенью децентрализации. Это не та система, которая действительно существует.

Нье: Не могли бы Вы привести пример чего-нибудь, что новая институциональная экономика трактует или исследует лучше, чем общепринятая экономика? Не могли бы Вы дать разъяснение?

Новая институциональная экономика – это не единое целое. Существует ряд обособленных линий, которые не соединены и, с моей точки зрения, на данный момент не должны быть соединены, так как наших знаний недостаточно, чтобы это сделать. Поэтому я думаю, что эти отдельные линии должны разрабатываться, и время от времени люди будут получать возможность сплести некоторые из них воедино. То, что меня здесь интересует больше, так это, конечно же, отношение экономики и права. К сожалению, – и это одна из трудностей новой институциональной экономики – направление, занимающе-

еся взаимоотношением экономики и права, которое анализирует правовую систему, ушло вперёд значительно больше, чем направление исследований, которое касается воздействия правовой системы на экономическую систему. Скажем так: то, что люди сделали, – это использовали экономику скорее для изучения правовой системы, чем выяснили, как изменения в праве реально влияют на функционирование экономической системы.

Нье: Это хорошая цель. Многие экономисты сказали бы, что со времени публикации в 1960 г. Вашей статьи, которая содержала в зародыше то, что люди называют Теоремой Коуза, она была принята экономической теорией, а Вы утверждаете, будто соединения экономики и права ещё не произошло. Не могли бы Вы прокомментировать, каким образом экономисты приняли Вашу теорию и развили ее, по сравнению с тем, каким бы Вы хотели видеть ее развитие?

Я думаю, что успех теоремы Коуза – поскольку ее обсуждают повсеместно – это интересная иллюстрация того, что является ошибочным в экономической теории; потому что, если вы читаете статью “Проблема социальных издержек”, она занимает, возможно, четыре страницы. Она полезна. Я считаю, что она полезна, потому что, используя ее, вы можете обнаружить тот тип контрактов, который должен быть создан, чтобы иметь эффективную экономическую систему. Но, сделав это, вы затем должны получить представление о препятствиях к осуществлению этой цели. Тогда вы увидите, как действительно работает система. Однако многие люди лишь прочли четыре страницы или только подумали о четырех страницах. Одной из причин, по которой они сделали это, конечно же, является то, что это наиболее абстрактная часть статьи.

Нье: Итак, Вы считаете, что им нравится в теореме Коуза ее абстрактная природа, но в действительности они не интересуются всерьез сутью Вашей статьи?

Безусловно. Статья имела успех по ошибке. Для людей, которым нравится успех, все было в порядке, но для тех, кто сосредоточен на развитии предмета, это не очень хорошо.

Нье: Давайте обсудим, что Вы думаете о том, как бы выглядели исследования, если бы статья имела успех по верным причинам. Какого рода исследования Вы бы отметили как успешные?

Вы бы столкнулись с типами контрактов, которые люди заключают в различных ситуациях, с тем, как возможность заключить контракт зависит от существования различных институтов, от различных законов, от существующей системы образования и так далее. Вы бы начали понимать, что делает возможным заключение желаемых контрактов. Вы бы вникли в эту проблему.

На данный момент она полностью игнорируется.

Феррарини: Вы доказываете в “Природе фирмы”, что фирма представляет собой вытеснение ценового механизма. Планирование и ценовой механизм сосуществуют в экономике. В зависимости от организационных и транзакционных издержек действующие лица будут решать, что из них использовать. Давайте поговорим об экономической системе в целом. Каким образом общество должно решать, какую экономическую систему выбрать? Существует ли наиболее эффективная экономическая система и почему?

Единого пути к наилучшей экономической системе нет, потому что всё зависит от общества, в котором вы находитесь. Вы, в частности, можете считать, что в экономической жизни играют роль образовательные и религиозные организации; но если вы имеете общество, в котором образованные люди – это только духовенство, то у вас будут совершенно другие взгляды на то, какой должна быть роль религиозных организаций. Это крайний пример. В Англии было время, когда политические лидеры были одновременно кардиналами и другими представителями духовенства, но вы бы не вывели из этого, что иметь кардиналов во главе экономической политики – это хорошая система. Это может происходить лишь некоторое время. Я не могу дать ответ на этот заслуживающий внимания вопрос просто потому, что вы получите разные ответы для каждой страны и каждой исторической ситуации.

Нье: Но этот аргумент использовался в прошлом для оправдания практически любых экономических систем, некоторые из которых потерпели неудачу. Какой совет Вы могли бы дать стране, в особенности развивающейся, находящейся в поисках средства для принятия решения, какую линию проводить?

Ну, есть два совета. Прежде всего они должны выяснить, как функционирует их реальная экономическая система, какие важные факторы способствуют развитию. А следующее – это быть осторожными в выводах. Ошибиться так легко. Существует большое количество ошибочных подходов и лишь несколько правильных.

Нье: Согласно типичному предписанию Международного Валютного Фонда, неоклассическая теория предлагает шаги в направлении экономики, ориентированной на рынок: приватизацию, дерегулирование, макроэкономическую стабильность и так далее. Достаточно ли этого? Как мы должны понимать проблемы установления условий для правильного функционирования рыночной экономики?

Я не думаю, что сейчас достаточно мыслить этими категориями. Нужно

также мыслить категориями институтов страны, в частности социальных институтов, и исходить из того места, где вы находитесь. Мне кажется ошибочным не начинать с точки, где вы находитесь. Пытаться резко изменить страну, вырвав её с корнями и начав все заново, мне представляется неверным. Принимая это во внимание, – не знаю, прав я или нет, – чувствую, что но на данный момент дела идут лучше, скажем, в Китае, чем в России, просто потому, что там полагались на существующие институты. У них имеются контракты с семейной ответственностью, которые они были способны развивать, потому что было очень легко перейти от коммуны к семейной системе в силу социального устройства семьи в Китае. Вы могли бы превратить ее в экономическую единицу. Вы могли бы разработать контракты, в результате которых, насколько я понимаю, выпуск в сельскохозяйственной сфере должен удвоиться. Тогда как в России, если бы вы избавились от колхозов, то получили бы массу безработных чиновников и колхозников. Поэтому мне совершенно ясно, что вы пойдете разными путями в этих двух странах. Я полагаю, мы многое узнаем из попыток приватизации, которые предпринимают люди в различных странах. Мы узнаем многое о том, как этого не надо делать. Я не знаю, что могу сказать о том, каким образом это делать, потому что мы должны еще так много узнать, но я точно не считаю, что существует единственный путь.

Нье: Однако русские могут прийти к Вам и сказать: “У нас так много институтов, которые нам нужно реформировать и изменить, но политическая ситуация затрудняет их одновременное реформирование. С чего нам следует начать? Как Вы можете помочь нам разобраться в этой проблеме?”

Я бы и не пытался. Я бы сказал, что вы знаете свои институты. А я не знаю ваши институты. Одной из ошибок, произошедших после войны, было то, что люди ездили из страны в страну, рассказывая всем, как они должны действовать, и для каждой страны предлагались одинаковые рекомендации. Они ничего не знали об этих странах. Конечно же, ответ, который они давали, был: “Переходите к социализму”.

Баллэрд: На опыте текущих реформ в Восточной Европе и в развивающихся странах многие изучали вопрос, достаточно ли подходящих правовых основ и усовершенствованных мер принуждения и контроля. Считаете ли Вы, что убеждения тоже играют важную роль в решениях экономического субъекта и поэтому в результативности ценовой системы? Существует ли тогда рыночная культура, которую необходимо развивать в таких ситуациях?

Да, я так считаю. Если Вы столкнулись с обществом, в котором люди совершенно не привыкли действовать в рыночной системе, вы не получите

очень успешной рыночной системы. Возможно, существует иная причина, по которой я полностью принимаю возражение, что люди могут научиться действовать в рыночной системе. Я не думаю, что вы хотите просто размышлять о введении цен, потому что, если вы дадите людям подходящие институты, то цены появятся. Люди действительно нуждаются в институтах, внутри которых они могут действовать. Они действительно нуждаются в институтах, которые они способны понять, с которыми у них есть опыт работы. Я вновь напоминаю, что будут вариации в зависимости от места. Я считаю, что разница в поведении различных стран Восточной Европы связана с продолжительностью времени их пребывания при коммунистической системе, потому что при коммунистической системе вы не можете научиться тому, как действовать в рыночной системе. Я думаю, что здесь очень интересно различие между Восточной и Западной Германией. Это удивительно, что различное положение возникает так быстро. Я поражен, что различия в положении немцев в Восточной Германии и Западной Германии существовали уже сорок лет.

Баллэрд: Играет ли роль в развитии рыночной культуры государство? И играет ли роль государство в снижении транзакционных издержек в экономике?

Государство играет двоякую роль. Первое – это не препятствовать происходящему. Это очень важно – не становиться на пути. С другой стороны, я никогда не считал, что можно получить систему прав собственности без использования силы государства. Ваши возможности узки; торговые и прочие ассоциации могут создавать организации, чтобы установить, что же влияет на частную правовую систему. Это очень тяжело сделать, когда сталкиваешься с людьми с разнообразными интересами.

Баллэрд: В развивающихся странах вмешательство правительства привело к появлению подпольной экономики – теневой экономики. Например, в Перу за последние 30 лет подавляющая часть городского строительства была заслугой частных субъектов, действующих нелегально. Они создали свои права собственности. Они создали свои собственные механизмы принуждения и контроля. Теневой сектор жилищного строительства производит более половины валового национального продукта. Он охватывает больше половины рабочей силы. Как Ваша теория новой институциональной экономики может объяснить этот феномен?

Я бы предположил, что это довольно легко объяснить. Если правительство фактически не разрешает осуществлять определенную деятельность или препятствует ей разными способами, люди стараются ее организовать сами. Но, конечно же, испытывая недостаток в государственном принуждении и контроле, они должны применить свои собственные. Они часто являются очень не-

эффективными, произвольными, эпизодическими и так далее. Я уверен, вы знаете больше о том, что происходит в Перу. Однако механизмы принуждения и контроля не обязательно являются особенно эффективными, и вмешательство правительства также бывает эпизодическим и ненадежным. Поэтому иногда оно предотвратит что-то, а иногда – нет. Иногда оно поддержит что-то, а иногда – нет. Таким образом, вы имеете экономическую систему, в которой люди очень не уверены в своих правах, и поэтому они не желают так торговать и инвестировать, как могли бы.

Баллэрд: Во многих Ваших произведениях Вы доказываете, что государство обычно стремится сделать слишком многое в экономике. Как определить адекватный уровень вмешательства государства в экономику? Что Вы думаете о регулировании, например, с целью защиты потребителя, антitrustовском регулировании и т.п.?

Ну, вы не можете сказать, что регулирование не улучшит положения вещей; примером является нормализация обстановки. С другой стороны, регулирование может ухудшить положение. При изучении того, что мы сделали в Соединенных Штатах, меня привело в замешательство, насколько многочисленны случаи регулирования, ухудшившие положение дел, хотя нет особой причины, по которой они должны были это сделать. Ответ, который я получил, был таким: в Соединенных Штатах правительство оперирует в настолько крупном масштабе, что люди не знают, что реально происходит. Люди, которые действительно заинтересованы или способны следовать такому регулированию, – это лишь те люди, которые подвергаются регулированию, а их интересы не обязательно совпадают с интересами других людей. В настоящее время здесь правительство оперирует в настолько крупном масштабе, что в этой комнате, где мы находимся, возможно присутствие сотен учреждений, которые регулируют и вмешиваются в то, что здесь происходит. Никто об этом не знает, кроме людей, которые непосредственно этому подвергаются. Поэтому они заинтересованы в обнаружении такого характера регулирования, которое вынуждает их помогать себе самостоятельно. В итоге вы получаете множество примеров неудачного регулирования. В исследованиях, которые мы опубликовали в “Журнале права и экономики”, приведено очень мало примеров искусного регулирования. Это не представляется неизбежным, и я считаю, что если бы мы добились меньшего вмешательства государства в экономическую сферу, то получили бы более разумное регулирование. Истинно это или нет, я не знаю. В любом случае, это моя точка зрения. Очень просто убедиться, что можно достичь искусного регулирования. Единственное, что я, оказывается, знаю об этой проблеме, – это согласие на закручивание гаек: нормализация на основе закручивания гаек возможна постольку, поскольку люди в различных странах могут использовать эти самые гайки. Это могло

происходить и иногда происходит без вмешательства правительства. В других случаях только кажется, что это произошло благодаря правительственному регулированию.

Баллэрд: Одним из искушений, с которыми сталкивается правительство в развивающихся странах, являются попытки решить проблему бедности или проблему несправедливого распределения путем регулирования или путем вмешательства. Например, мы в Перу располагаем фактом – очень ничтожным фактом, но я считаю, что он объясняет происходящее, – когда человек идет в лавку, но не в обычную лавку, а к уличному торговцу. Он покупает пару туфель, и эти туфли стоят около 2 долларов. Они очень дешевые. Этим вечером он идет в гости: он купил туфли, чтобы пойти туда. В Лиме никогда не идет дождь, но в этот вечер дождь все-таки пошел. А туфли становятся все мягче и мягче и, наконец, растворяются. Они были сделаны из бумаги. Проблема заключается в том, что правительственное учреждение, ответственное за защиту потребителя, рассуждает в этот момент следующим образом: “У меня есть два пути, как разобраться с этим. С одной стороны, я не могу допустить, чтобы бедные люди были вынуждены покупать бумажные туфли. С другой стороны, я могу принять решение, что бумажные туфли – это единственный шанс дать бедным людям хоть какую-нибудь обувь. Обычные туфли слишком дороги”. Должно ли правительство в такого рода ситуации решать, какие туфли должны использовать люди, даже когда мы говорим об очень некачественном продукте? Вопрос в том, есть ли в такой ситуации место для государства, или мы должны оставить положение дел таким, как оно есть?

В подобном случае я вообще не вижу необходимости в государственном регулировании. В общем, люди способны достаточно хорошо судить о том, что им подходит. Естественно, если вы бедны, вы не захотите тратить больше денег на высококачественные товары, так как это означало бы, что вы не можете потратить деньги на что-нибудь другое. По мнению бедняка, вы должны покупать туфли, сделанные из бумаги, и другие вещи.

Нье: Как Вы относитесь к крупномасштабному перераспределению издержек, связанных с правами собственности? Массированное налогообложение или земельная реформа, или конфискация у богатых для перераспределения в пользу бедных?

Это действует таким же образом, как и регулирование. В общем, что бы вы ни сделали, находчивые люди извлекут из этого выгоду. Осуществите изменения в налоговом законодательстве. Очень сомнительно, что это вообще изменит чистое распределение. Вы бы лишь сделали систему менее эффективной.

Феррарини: Недавно была статья в “Экономисте”, которая подвергла сомнению способность экономической теории или экономистов точно объяснять текущие события. Как новая институциональная экономика поможет экономистам сделать понятным для индивидов, подобных тем, которые написали эту статью, что экономисты могут дать довольно точные объяснения в равной степени, как и улучшить свои способности к этому.

Я не уверен, что написавший эту статью ошибается. Я её не читал, но судя по тому, что вы говорите, она выглядит в целом верной. Экономисты не дали по-настоящему удачных объяснений того, почему экономические организации таковы, каковы они есть. Но, я думаю, они могли бы это сделать, и для этого есть два способа. Первый – проводить эмпирические исследования, и не для разработки теории, а для выяснения происходящего. А второй способ – чтобы люди специализировались на специфических областях, так чтобы они знали, о чем они говорят.

Феррарини: Когда Вы говорите о специфических областях, Вы имеете в виду различные социальные, политические и экономические рамки, в которые заключены специалисты при изучении каждого аспекта?

Я имею в виду особые отрасли, сделки, страны. Это означает, что вы получаете целую массу знаний, которые на первых порах трудно соотнести друг с другом. Однако это та ситуация, в которой мы находимся.

Феррарини: Вы, по существу, заинтересованы в том, чтобы индивиды собрались вместе и коллективно изучали, как работают и взаимодействуют друг с другом политические, социальные и экономические институты?

Не собирались вместе. Делали это самостоятельно.

Феррарини: Они должны делать это разрозненно, индивидуально?

Да.

Феррарини: Тогда что же относительно слияния всего этого в конечный продукт? Как Вы собираетесь соединить все вместе? Почему Вы не хотели бы соединить все вместе?

Я хочу соединить все вместе, если и вы можете соединить все вместе. Мы ещё не готовы. Нам необходимо закончить все индивидуальные исследования. Тогда какой-нибудь новый Адам Смит или кто-то ему подобный сможет это сделать. Одна из наших проблем состоит в том, что мы должны понять эту взаимосвязанную систему. Но ее невозможно понять, если вы не знаете, как функционируют отдельные части. Мы не знаем, как функционируют отдельные части. И именно это мы должны узнать в первую очередь.

Феррарини: Экономисты, по моему мнению, претендуют на то, что они знают, как функционируют отдельные части. И это, в принципе, повсеместно утверждается в книгах. Каким образом, по Вашему мнению, новая институциональная экономика собирается изменить способ, с помощью которого мы преподаем основы экономики?

Она собирается изменить сам этот способ. Сейчас мы не хотим говорить о предложении и спросе в определении цен. Мы стремимся говорить о том, на что направлен спрос и что предлагается, и на что устанавливается цена. Это кажется мне очень странным. Адам Смит не только ввел понятие цен, координирующих экономическую систему, но он также отметил, что наш жизненный стандарт зависит от реальных потоков товаров и услуг. Но почему-то мы не изучаем реальные потоки товаров и услуг. Я всегда говорил, что экономисты изобрели средство околпачивания. Они внедрили его, потому что оно ничего не означает. И мы устанавливаем цены на это средство околпачивания. Да, мы хотим узнать, на что же это такое устанавливается цена. Майнэсиен обратил на это внимание, когда он занимался радио- и телевидением, где предельные издержки равны нулю, а экономисты говорят, что поэтому и цена должна быть нулевой. Майнэсиен заметил, что если вы вещаете писк, то цена должна быть равной предельным издержкам, но вы ничего за него не получите. Занимаясь самим ценообразованием, а не тем, на что устанавливается цена, вы упускаете всю суть.

Нье: Я так понимаю, что Вы склоняетесь в пользу сбора эмпирических сведений, почти таких же, как таксономия различных отраслей, различных групп, различных контрактов. Это тот род проблем, который Вас привлекает?

Да. Я не знаю, какие проблемы люди должны исследовать. Пусть они сами выбирают себе проблемы. Мы будем постепенно совершенствоваться. Вы знаете, как развивалась бы биология, если бы люди не изучили, как работает сердце или легкие?

Нье: То, что изучают экономисты, частично определяется спросом и предложением экономистов в высшем учебном заведении. Недавние исследования доказали, что многие студенты-выпускники считают, что знание экономики не является необходимым условием для того, чтобы быть хорошим экономистом. Как изменить способ, с помощью которого они обучались бы, чтобы учесть Ваши виды на будущее?

Ну, я не думаю, что он изменится внезапно, но в разных конкретных дисциплинах изменения будут иметь место. Это зависит от контингента людей в учебном заведении, от их убеждений, от политики занятости, от направления, которого придерживаются редакторы журналов, когда принимают статьи к

публикации, – и все это будет различным в разных областях.

Нье: Но до настоящего времени это не давало результатов, которые Вам желательны для профессии в целом. Считаете ли Вы, что люди достаточно разочарованы положением вещей или что люди в новой институциональной экономике достаточно уверены в достижении успеха, давая обратный ход некоторым тенденциям последних двадцати лет?

Это бывает с любым из нас. Если вы заболели или у вас проблема, вы остаетесь наедине с этим, вы принимаете это, и как раз тогда вам становится так плохо, что вы обязаны что-то с этим делать. Я считаю, сейчас в экономике люди тоже начинают понимать, что дела настолько плохи, что они обязаны что-то делать, и поэтому те люди, которые всегда хотели что-то делать, имеют более сочувствующую аудиторию, чем в прошлом. Я думаю, что это и есть нынешняя ситуация. Вы получаете массу подтверждений того, что результат работы экономистов не приносит особенной пользы.

Эйзагирре: Возможно, разработка экономической теории – это та область, в которой, как я считаю, мы продвинулись меньше всего. Мы мало знаем о том, каким образом экономики начнут совершенствоваться. Например, Вы сказали, что очень важно, как люди заключают контракты. А мы мало сделали, чтобы сопоставить, как люди заключают контракты в развивающихся и в развитых странах. Согласны ли Вы с тем, что новой институциональной экономике есть что вложить в эту область?

Когда вы говорите “область”, то это работа индивидов, которые намерены внести свой вклад, и я полагал бы, что мы можем узнать гораздо больше, чем мы это делаем. Я приведу в качестве примера Латинскую Америку, которая всегда представляла для меня интерес. Это страны с высоким уровнем инфляции, необычайно высоким. Какие формы контрактов заключают люди, чтобы урегулировать эту проблему? Какие проблемы в оформлении контрактов это вызывает? Вы посчитаете, что это очень усложнило бы положение дел. Но один из вариантов ответа, который я получаю, такой: “О, хорошо, мы составим контракты в иностранной валюте”. Очевидно, что это неполный ответ, и я никогда не слышал полезных сведений именно о том, как люди решают проблему инфляции. Я наблюдал и спрашивал, но не получил ответа. Это очевидная проблема, и я хотел бы встретиться с людьми, бьющимися над ней. Но я не ожидаю увидеть уже достигнутой цель, которую я предпочел бы увидеть таковой через сто лет или около этого.

Баллэрд: В соответствии с теоремой Коуза, если транзакционные издержки равны нулю, тогда эффективный результат будет достигнут, несмотря на правовые нормы. Всегда ли это верно? Сложные правовые нор-

мы делают решения судей более непредсказуемыми, и это увеличивает неопределенность в транзакционных издержках, поэтому не совсем верно, что в этой ситуации можно иметь какую бы то ни было правовую норму. Например, в гражданских правонарушениях нормы виновности более сложны, чем нормы объективной ответственности [не зависимой от вины], потому что гражданское право пытается использовать нормы, которые нелегко применить и предвидеть. Насколько важно иметь простые нормы, понимая под ними нормы, которые легко применять судьям и предвидеть обществу?

Я не знаю, как мне следует подойти к этому вопросу. Нам нужно подумать о том, как будет использована теорема Коуза. Скажем, некто собирается применить упрощающее предположение и говорит: “Я намерен проигнорировать этот фактор”. Например, он может сказать: “Я намерен изучить полет пули в воздухе, и я проигнорирую эффект гравитации”. Люди так и поступают, и это очень разумно. Но если вы говорите: “Я собираюсь вообще проигнорировать эффект гравитации”, – у вас не будет пули. Поэтому вы должны обращаться с подобными вещами разумно, а я обнаружил в дискуссиях о теореме Коуза, что люди обращаются с ней неразумно. Она представляет собой педагогический прием. Она говорит: “Давайте временно проигнорируем это и посмотрим, что произойдет”. И если вы проигнорируете транзакционные издержки, вы увидите их важность, вы увидите механизмы, которые должны быть созданы. И тогда вы можете сказать: “О, это то, что делается в мире, где нет транзакционных издержек. Ну, а теперь давайте перейдем к миру, в котором мы имеем транзакционные издержки, и посмотрим, как они действуют”. Это – новый уровень мышления. Вот как я это понимаю. Но люди застряли на этом допущении, потому что, как я говорю, экономисты чувствуют себя как дома, пребывая в абстрактности и оторванности от реальности, поскольку это мир, который они уже обжили.

Нье: Вы выглядите большим сторонником здравого смысла в суждениях в противоположность формальному механистическому методу выяснения того, что верно, а что – неверно. Но здравый смысл не такой уж и здравый. Считаете ли Вы поэтому, что составной частью традиций экономической теории, которую Вы хотели бы создать, является способность передавать последующим поколениям экономистов смысл суждения о том, что составляет верное и неверное в абстракциях?

Знаете, я однажды обнаружил высказывание Нильса Бора, который является родоначальником квантовой механики, выдающимся человеком. Он никогда не доверял формальным и математическим доказательствам. Если люди приводили такие доказательства, он говорил: “О, вы логичны, но вы не дума-

ете”. Что мы хотим сделать, так это побудить людей быть не логичными, а думающими. Если вы судите об экономистах по их логике, то они очень хороши, я имею в виду, что они, возможно, даже лучше некоторых физиков, но они не являются думающими.

Феррарини: Сказали бы Вы, что новая институциональная экономика изменяет известный нам мир экономики?

В действительности мир очень мало подвержен влиянию экономистов, поэтому я не думаю, что мы можем сказать, будто изменения в позициях экономистов повлияют на мир экономики, даже если вы обретете подобающую экономику, которая приносит пользу людям в реальном мире. Есть очень интересный пример, – думаю, что вы о нем, возможно, знаете: фирма, по-моему, в Сент-Луисе избавилась от своих экономистов, потому что если у вас есть потенциальные рынки, вы в экономистах не нуждаетесь. Они были заняты деятельностью, с которой рынок теперь может отлично справиться. Ну, а для экономической теории существует нечто большее, чем это.

Нье: Вы говорите о макроэкономике, дающей детальные прогнозы. Видите ли Вы какую-либо роль для макроэкономики в новой институциональной экономике? Она представляется одной из областей, которая по существу, является чуждой новой институциональной экономике.

Это так. Я не знаю, какому воздействию она подвергнется, но, по моему мнению, на данный момент мы знаем, что прогнозы, обычно ошибочны, и мы знаем, что макроэкономисты не очень сильны в прогнозах. Скажем, что они не понимают, каковы взаимосвязи между обширными агрегатами. Я предполагаю, что одной из здесь причин является то, что вы имеете дело именно с этими обширными агрегатами. Пока вы не разделите их на части, вы не сможете давать хорошие прогнозы. Я надеюсь, что новая институциональная экономика, поскольку она даст информацию об индивидуальной деловой активности, поможет в этом деле, хотя о макроэкономике я, действительно, ничего не знаю.

Нье: Позвольте задать последний вопрос. Похоже на то, что вы приверженец традиционной теории цен, традиции, которая восходит к Адаму Смиту и, возможно, к старой чикагской школе, что противоречит новой. Вы предлагаете вернуться к таким нашим истокам, как общие интересы в теории цен и институты рыночной экономики, объединив их вместе?

Да. Темой, которую я собираюсь поднять во время выступления на встрече, будет, что экономисты гордятся тем, что Дарвин позаимствовал свои идеи у Мальтуса и Адама Смита. Что интересно для меня, так это увидеть, что же

произошло в биологии со времен Дарвина и в экономике со времен Адама Смита. Различия поразительны. Биологи в такой же мере понимают, как действует биологический процесс, как мы не понимаем, как действует экономический процесс.

Международное общество новой
институциональной экономики,
Отделение экономики, а/я. 1208,
Вашингтонский университет,
One Brookings Drive, St. Louis
MO 63130-4899 USA, <http://www.isnie.org>.